

по нынешним меркам расстояниях от ближайших баз на станциях в Заборье и Подборовье (320 км) было архисложно. Машинам требовалось 2 недели, чтобы проделать путь от Заборья и Подборовья к Ладогe. Была ли уверенность в надёжности данной коммуникации? Наверное, нет. Не случайно ГКО требовал «принять надлежащие меры военной охраны дороги». Тем не менее, определяя лимиты поставок продовольствия, топлива и боеприпасов в осаждённый город, ГКО и правительство брали на себя ответственность за его снабжение, несмотря на сомнения в возможности осуществлять его через Ладогу в конце ноября 1941 г., когда Тихвин был ещё в руках противника.

Михаил Ходяков: Иерархия продовольственного снабжения в блокадном Ленинграде

Mikhail Khodjakov (Saint Petersburg State University, Russia): The hierarchy of food supply in besieged Leningrad

DOI: 10.31857/S086956870005191-1

Г.Л. Соболев прошёл большой путь в науке. В середине 1960-х гг. именно он, тогда ещё молодой историк, оказался «бригадиром» пятого тома «Очерков по истории Ленинграда», посвящённого периоду Великой Отечественной войны. Для этого коллективного труда Соболев написал главы о первых месяцах блокады (совместно с А.В. Карасёвым), о ликвидации последствий голодной зимы, об укреплении обороны города в 1942 г., о народном образовании, высшей школе и научно-исследовательской работе, печати и радио (совместно с Б.И. Загурским), а также о культурно-просветительской работе³⁹. Впоследствии, обращаясь к блокадной тематике, Соболев неизменно уделял особое внимание проблеме голода, обеспечения города продовольствием, огромной смертности населения⁴⁰. На новом этапе изучения и осмысления истории блокады именно он вновь поставил вопрос о продовольственном снабжении Ленинграда, о мерах, принимавшихся руководством города, и о тех категориях населения, которые обеспечивались продуктами питания в «особом порядке».

О привилегиях в блокадном Ленинграде историкам известно давно. Документы о дополнительных видах продовольствия для руководящих, советских, хозяйственных и партийных работников, сведения о «литерном питании» для командиров, семей генералов, адмиралов, героев Советского Союза и ряда других категорий были опубликованы ещё в середине 1990-х гг.⁴¹ По мнению С.В. Ярова, система привилегий в осаждённом городе «ни для кого не являлась тайной», преимуществом пользовались люди, находившиеся у власти, и «нужные специалисты»⁴². Н.А. Ломагин, опубликовавший комплекс документов, свидетельствующих об иерархии потребления во время блокады, отмечал, что

всех исправных машин истребительной авиации фронта, ПВО и КБФ. Небо над Ладогой превратилось в арену жесточайших схваток» (Новиков А.А. В небе Ленинграда (Записки командующего авиацией). М., 1970. С. 200).

³⁹ Очерки по истории Ленинграда. Т. 5. Л., 1967.

⁴⁰ Отдельные аспекты этих тем анализировали и ученики Г.Л. Соболева. См., в частности: Бизев С.Б. Смертность гражданского населения Ленинграда в годы блокады 1941—1944 гг. (на материалах Ленинградской городской комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников). Дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2001.

⁴¹ Ленинград в осаде. Сборник документов о героической обороне Ленинграда в годы Великой Отечественной войны. 1941—1944 / Отв. ред. А.Р. Дзенискевич. СПб., 1995. С. 256—259.

⁴² Яров С.В. Блокадная этика. С. 411—412.

получение сотрудниками Смольного и руководителями среднего партийного звена дефицитных продуктов, «немыслимых для простых горожан даже по меркам мирного времени... не считалось зазорным. Более того, это, вероятно, было нормой»⁴³. При этом «в руках партийного руководства оставались важнейшие привилегии в период блокады, связанные с распределением продовольствия, которые были недоступны тому же НКВД»⁴⁴. Производственные планы ленинградских предприятий пищевой промышленности, предусматривавшие выпуск в ноябре 1941 — январе 1942 г. не только мясомолочной и рыбоконсервной продукции, но также шоколада и кондитерских изделий, сегодня не представляют тайны⁴⁵.

Постепенно вводившиеся исследователями в научный оборот данные об особенностях обеспечения населения Ленинграда продуктами питания позволили Соболеву указать на необходимость более тщательного изучения деятельности Продовольственной комиссии Военного совета Ленинградского фронта. Созданная в январе 1942 г., она стала главным инструментом продовольственной политики Смольного (I, с. 354—355)⁴⁶. Вследствие ограниченности ресурсов ей приходилось ориентироваться в первую очередь на поддержку тех социальных и профессиональных групп населения, от которых зависела судьба города. К сожалению, при этом её работа сопровождалась многочисленными отказами заявителям в удовлетворении их просьб.

Население по-своему реагировало на деятельность городских властей в сфере продовольственного обеспечения. Так, характеризуя выступление председателя исполкома Ленгорсовета, опубликованное в «Ленинградской правде» 13 января 1942 г., Соболев обращает внимание на его неоправданно оптимистичное заявление о том, что самые тяжёлые дни для населения позади, которое совершенно не соответствовало суровой действительности и явно не способствовало популярности П.С. Попкова, являвшегося членом Продовольственной комиссии (I, с. 355). Месяц спустя спецсообщение УНКВД по Ленинграду и области зафиксировало слухи о снятии Петра Сергеевича с работы и «предании его суду за вредительскую деятельность» (I, с. 447).

Отмечая, что осенью 1942 г. для городских властей на первый план выдвинулись бытовые вопросы, Соболев пишет про «осторожный оптимизм» жителей города-фронта, рассчитывавших на улучшение своего положения (II, с. 329). Увы, их ожидания не оправдались. Ни опубликованное извещение отдела торговли исполкома Ленгорсовета об очередной выдаче населению продовольственных товаров в ноябре 1942 г., ни выступление секретаря горкома партии и члена Военного совета Ленинградского фронта Кузнецова в канун 25-й годовщины Октябрьской революции, ни речь Сталина на торжественном заседании Московского совета депутатов трудящихся 6 ноября не содержали обещаний снять блокаду. Память ленинградцев о страшной зиме 1941—1942 гг. усиливала беспокойство относительно возможного снижения норм выдачи продуктов питания. Хотя в целом ситуация «на продовольственном фронте» всё же улучшалась. Весьма красноречивы записки одного из сотрудников

⁴³ Ломагин Н.А. Неизвестная блокада. Кн. 1. Изд. 2. СПб., 2004. С. 153.

⁴⁴ Ломагин Н.А. В тисках голода. Блокада Ленинграда в документах германских спецслужб, НКВД и письмах ленинградцев. Изд. 2. СПб., 2014. С. 20—21, 37—38.

⁴⁵ Блокада в решениях руководящих партийных органов Ленинграда. Ч. 1. С. 397, 463—465, 535—537.

⁴⁶ См. также: Соболев Г.Л., Ходяков М.В. Продовольственная комиссия Военного совета Ленинградского фронта в 1942 г. // Новейшая история России. 2016. № 1. С. 8—21.

НКВД той поры. Старший лейтенант госбезопасности Ф.Е. Бобров, являвшийся помощником директора по найму и увольнению на одном из ленинградских заводов, отмечал 7 ноября 1942 г.: «Днём был обед с водкой. Вечером с икрой и остальсь»⁴⁷.

Опираясь на материалы Центрального государственного архива историко-политических документов Санкт-Петербурга, Соболев показал, как изменилась система распределения продовольствия за время блокады (III, с. 508—515). В информации городского отдела торговли «О плановых контингентах гражданского населения Ленинграда на август 1943 г.», предназначенной для секретаря горкома ВКП(б) П.Г. Лазутина, историк выделяет, безусловно, центральный раздел, именовавшийся «Разница в нормах и дополнительные виды питания». Помимо повышенных норм питания для больных, детских учреждений, детсадов, пионерских лагерей, беременных женщин, доноров и т.д., особое «литерное питание» устанавливалось для трёх групп руководящих работников партийных, советских и хозяйственных организаций. Директорам заводов, их заместителям, главным инженерам, начальникам производств крупных промышленных предприятий полагались «литерные обеды». «Литерным питанием» был охвачен также ряд представителей командного состава.

Формирование системы обеспечения продовольствием ленинградской партийно-советской номенклатуры Соболев справедливо рассматривает в контексте общесоюзных тенденций. Подписывая 31 июля 1943 г. секретное постановление «О снабжении руководящих работников партийных, комсомольских, советских, хозяйственных и профсоюзных организаций», Жданов, конечно же, следовал логике уже принятого 12 июля 1943 г. постановления СНК СССР № 757-224с. В дополнение к повышенным нормам выдачи продуктов постановление обязывало начальника Ленглавресторана создать столовые закрытого типа для обслуживания руководящих работников «с организацией по желанию столоующихся двух- или трёхразового питания». Одновременно с этим Ленинградской конторе «Спецторг» поручалось обеспечить деятельность трёх «специальных закрытых магазинов» для отпуска местному начальству сухих пайков⁴⁸.

Труды Соболева дают импульс для дальнейшего исследования острых проблем истории блокады. В частности, необходим более тщательный анализ фонда Статистического управления Ленинграда⁴⁹. Некоторые его дела, находившиеся длительное время на секретном хранении, содержат сведения о работе кондитерских фабрик города в годы Великой Отечественной войны, о количестве и ассортименте выпускавшихся изделий. Материалы о кондитерских и конфетно-шоколадных фабриках военной поры имеются и в делопроизводстве Ленинградского областного управления пищевой промышленности исполкома Ленинградского областного совета⁵⁰. Особого внимания заслуживают документы 1941—1942 гг., отложившиеся в фондах трестов столовых Смольнинского, Василеостровского, Петроградского, Дзержинского, Куйбышевского, Фрунзенского и других районов Ленинграда⁵¹. Они дают представление не только о количестве обычных жителей, «прикреплённых» к столовым города, но и о

⁴⁷ *Зиборов В.К., Иванов В.А., Ходяков М.В.* «Кадры решают всё!» Блокадные записки сотрудника НКВД. 1942 год // Новейшая история России. 2015. № 2. С. 268.

⁴⁸ Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга, ф. 24, оп. 2, д. 5235, л. 1—1 об.

⁴⁹ ЦГА СПб., ф. Р-4965, оп. 3-1, д. 77 и др.

⁵⁰ Там же, ф. Р-5006, оп. 2, д. 42—88.

⁵¹ Там же, ф. Р-5375, Р-5379, Р-5380, Р-5798, Р-5920, Р-5996; и др.

создании столовых «закрытого типа с повышенным питанием», о контингенте «прикреплённых» к ним лиц: рабочих, служащих, «представителей партактива» и других категорий населения.

Трудно не согласиться с выводом Соболева: обеспечение дополнительными пайками представителей командного состава, руководителей промышленных предприятий, партийных, советских и хозяйственных работников, сотрудников НКВД, постепенное увеличение норм питания для деятелей науки и искусства свидетельствовало прежде всего об уверенности в том, что именно эти группы будут активно работать на нужды фронта и участвовать в послевоенном восстановлении городской жизни.

Иван Петров: Интеллигенция в блокированном городе

Ivan Petrov (Saint Petersburg State University, Russia): Intellectuals in a Blocked City

DOI: 10.31857/S086956870005192-2

В последнее время и в России, и за её пределами всё чаще выходят исследования и документальные публикации, посвящённые истории блокадного Ленинграда. В них рассматриваются проблемы, связанные с обстоятельствами битвы за город, взаимоотношениями власти и населения, настроениями простых ленинградцев, девиантным поведением граждан, оказавшихся в критической ситуации. Но сейчас, к сожалению, почти не осталось историков-очевидцев ленинградской блокады, способных от первого лица рассказать о трагических событиях тех лет и соединить собственные воспоминания с массивом архивных документов. Поэтому столь важна трилогия почётного профессора Санкт-Петербургского университета Г.Л. Соболева — блокадника, ещё в 1960-е гг. входившего в знаменитую группу В.М. Ковальчука, которая, по сути, первая приступила к научному изучению трагедии Ленинграда.

Уже тогда историк осветил подвиг учёных, принявших решение не покидать осаждённый город и продолжавших работать в нём, укрепляя его оборону⁵². «Ленинградские работники науки, — пишет Соболев в своём новом труде, — не только осуществляли техническое руководство строительством оборонительных сооружений, но и вместе со всеми трудящимися города рыли окопы и траншеи. Во Фрунзенском районе только 25 июня 1941 г. на возведении укреплений трудилось более 4 тыс. преподавателей и студентов вузов и техникумов» (I, с. 63). Именно благодаря им в кратчайшие сроки была сооружена Лужская оборонительная полоса (I, с. 64).

В своей трилогии Геннадий Леонтьевич уделяет особое внимание положению творческой интеллигенции и её роли в поддержании духа жителей Ленинграда. Особое значение при этом имело радио. Так, «осенью 1941 г. состоялась радиоперекличка двух городов-героев — Ленинграда и Севастополя. Затаив дыхание, ленинградцы слушали по радио голос О. Берггольц, В. Вишневского, В. Инбер, Н. Тихонова, А. Прокофьева, Д. Шостаковича и др.» (I, с. 173). Вопреки устоявшемуся мнению, не всё, что выходило в эфир, одобрялось властями. Ярким примером этого являлось самоотверженное чтение «Февральского дневника» Ольги Берггольц в одном из выпусков «Радиохроники» 1942 г.

С февраля 1942 г. культурная жизнь города начала понемногу возрождаться. Местное руководство старалось этому содействовать: было принято решение

⁵² Соболев Г.Л. Учёные Ленинграда в годы Великой Отечественной войны...